

фантастическая
история

Книги Александра Башибузука
в серии «Фантастическая История»

СТРАНА АРМАНЬЯК. БАСТАРД
СТРАНА АРМАНЬЯК. РУТЬЕР
СТРАНА АРМАНЬЯК. ДРАКОН ЗОЛОТОГО РУНА
СТРАНА АРМАНЬЯК. ФАВОРИТ
СТРАНА АРМАНЬЯК. ГРАФ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ

фантастическая
история

Александр Башибузук

Страна Арманъяк.
Граф божьей
милостью

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

ПРОЛОГ

В изысканно обставленном небольшом кабинете мягко мерцали восковые свечи в причудливых кованых шандалах. В камине изредка потрескивали поленья, заставляя чутко прядать ушами здоровенных кудлатых псов, растянувшихся во весь свой гигантский рост на палисандровом паркете возле каминной решетки. За небольшим, сервированным изящной серебряной посудой столиком в резных креслах с высокими спинками сидели два дворянина, на первый взгляд являвшие собой полную противоположность друг другу.

У одного иссиня-черные, смоляные волосы с едва заметной проседью были забраны в хвост на затылке, у другого роскошная волнистая шевелюра густого золотистого цвета, наоборот, ниспадала на плечи.

Брюнет выглядел старше, его худошавое лицо с лихо закрученными усиками и бородкой клинышком напоминало собой профиль хищной птицы. Золотоволосый, совсем еще юноша, отличался необыкновенной красотой, его лицо с мягкими благородными чертами скорее соответствовало ангельскому облику, чем обычному человеку.

Первый был облачен в шитый серебром колет черного бархата, второй — в пурпуэн из золотой парчи. Оба были вооружены, на коленях у брюнета лежал длинный узкий меч с причудливой гардой, на поясе золотоволосого висел кинжал в инкрустированных золотом и драгоценными камнями ножнах.

У брюнета поблескивал на цепочке со звеньями в виде миниатюрных кресал орден Золотого Руна, а у юноши — подвеска в виде стилизованной фигурки горноста, соответственно орден Горноста. Несомненно, оба собеседника принадлежали к высшей знати, так как эти ордена были одними из самых почетных наград Европы.

Знаток Средневековья, взглянув мельком на обстановку, одежду дворян, на их ордена и оружие, мгновенно сделал бы вывод, что действие происходит в Западной Европе примерно в середине пятнадцатого века. Однако одна деталь обязательно привела бы его в сильное замешательство. Причем весьма странная деталь — оба кавалера разговаривали на русском языке, мало того — на его современной версии.

— Не подскажешь, Феб Гастоных... — Брюнет посмотрел сквозь хрустальный бокал, наполненный вином густого рубинового цвета, на шандал со свечами. — Когда чертов Паук, чтоб ему пусто было, в реальной истории откинул копыта?

— В тысяча четыреста восемьдесят третьем году, Жан Жанныч, — спокойно ответил его собеседник, не отрывая глаз от мерцающего в камине огня. Жесткие властные нотки в его голосе слегка диссонировали с его ангельской внешностью. — То есть чуть больше чем через полтора, считая от сегодняшнего, дня. Самое обидное: Луи в данный момент должен быть прикован к постели, но, по последним сведениям, ничего подобного — здоров, бодр и скачет козликком. Почему так, увы, не знаю. Или современные историки напутали, или мы с тобой историю изменили. Может, его грохнуть, козла душного? В лучших традициях наших лихих девяностых?

— Ваше величество... — Брюнет иронично вздернул бровь. — Что за умыслы в отношении претендента на роль божьего помазанника? — Но тут же резко стал серьезным и жестко сказал: — Я пробовал, и не один раз. Как заговоренный, паразит. Ни одно покушение не удалось, а пробовал я раз шесть. К тому же Луи сейчас сидит у себя в замке Плессиле-Тур и даже носу из его стен не кажет. Так что задачка для камикадзе, но такого еще найти надо. И при этом умудриться самому не засветиться, ибо не поймут.

Юноша согласно кивнул.

— Да уж, «не поймут» — это еще мягко сказано. В общем, нет у нас времени ждать, пока он помрет. Если дело пойдет такими темпами, война грянет гораздо раньше. А мы к ней пока совсем не готовы, и не факт, что успеем подготовиться.

— Следовательно?

— Следовательно, нам предстоит в самое ближайшее время обзавестись надежными союзниками, — уверенно ответил золотоволосый. — Создать аналог канувшей в Лету Лиги общественного блага.

— Я еще успел в ней поучаствовать... — небрежно заметил брюнет. — Вернее, не я, а хозяин моей тушки в юности. Но не суть... Кого ты видишь союзниками?

— Так... — Юноша ненадолго задумался. — От Испании помощи ждать не стоит, но Паука они не поддержат в любом случае. С Фердинандом, реем Арагона, я разберусь сам, он и так наш перманентный союзник. А что скажешь о Максимилиане Бургундском?

— Макс спит и видит, как побольней наподдать Луи, — усмехнулся его собеседник. — Потому что часть его владений все еще оккупирована франками. Но Генеральные Штаты будет очень трудно уговорить на войну. Война — это расходы, а чертовы фламандцы скупы, как еврейские ростовщики. Хотя все реально. Пожалуй, Максимилиана я возьму на себя.

— С Бретанью особых проблем не возникнет... — задумчиво заметил юноша. — Но потребуются сложные согласования. Заскочишь к моей тетке и ее муженьку дюку Франциску де Бре?

— Не вопрос, Франциск Гастоныйч, — кивнул черноволосый, — заскочу. Мне как раз не помешает навестить свою сеньорию в Бретани.

— Британский кинг? — задал очередной вопрос юноша.

— Вмешиваться не станет, — уверенно ответил брюнет. — Паук и у него в печенках сидит. Внаглую платит половине придворных за лоббирование своих интересов. К тому же Эдик сам на пороге грандиозного шухера, ему бы со своими разобраться.

— Швейцарская Конфедерация?

— Конфедерация официально не поддержит, но закроет глаза на самостоятельные действия своих городов. Золото — и они твои. Козопасы за монету наймутся хоть к самому дьяволу. Я договорюсь. Можно еще нанять шотландцев и валлийцев. И вообще, не помешает собрать со всей Европы наемных головорезов. Могу поспособствовать. Есть нужные контакты. Но все это деньги, и немалые. По последним расценкам жалованье одного наемного пикинера в неделю — половина флорена, не меньше.

— Золото-золото... — недовольно буркнул золотоволосый. — Золото будет, как раз везут его сюда сейчас. Но и расходы зашкаливают, боюсь, не уложусь. А как у тебя с золотишком, Жан Жаныч?

— Есть, Франциск Гастоныйч, — невозмутимо ответил Жан. — Но все в деле. А выводить его оттуда будет глупо и

долго. Хотя чем смогу, помогу. И есть еще одно соображение. Забегать вперед не буду, посмотрим, может, что и получится.

— А если поднять против Паука всю Гасконь? Так сказать, превратить империалистическую войну в гражданскую освободительную? — Франциск пристально посмотрел на собеседника. — Как у тебя с дворянами в Арманьяке?

— Все очень сложно... — нахмурился брюнет. — Я официально признан отцом, но есть одно жирное «но». За мной никто не пойдет, потому что папан в свое время был отлучен от церкви за кровосмесительную связь с собственной сестрой. А я как раз плод этой связи. Вот ежели сей момент устранить, то бишь отменить отлучение, вдобавок если церковь признает меня законным наследником, дело может выгореть. Гасконцы вечно всем недовольны, Пауком особенно, а у меня есть что им предложить. В любом случае рано или поздно придется возвращать владения. Кстати, ты очень вовремя унасекомил д'Альбре, так как именно ему Луи отдал почти всю мою вотчину. Подвязки в Ватикане имеются, следовательно, есть с чего начать. А еще мне потребуется пронырливый легист.

— Есть такой. Самый пронырливый из всех пронырливых. Завтра предоставлю его тебе. — Юноша почему-то улыбнулся.

— Твой Капулетти? — поинтересовался брюнет.

— Нет, Капулетти мне пока самому нужен, но и этот не хуже, останешься доволен, — пообещал золотоволосый юноша. — Так, о чем это мы? Ага... Так вот, есть чем заинтересовать папу. Мне тоже не помешает его поддержка. Но пока поговорим о другом. Я смотрю, ты на короткой ноге едва ли не со всеми европейскими государями. Что скажешь насчет Рене Лотарингского?

— Есть такое дело, — без ложной скромности признался брюнет. — Правда, далеко не со всеми. Но на этого рассчитывать не стоит — он сторонник Паука. А перекупать разоримся, да и особо нечего ему предложить. Кстати, в свое время я всадил в него заряд картечи в битве при Нанси. Чудом жив остался, щенок...

Далее последовал долгий разговор, за время которого слуги успели сделать две перемены блюд и даже сменить свечи в шандалах. А закончился он тем, что юноша сам налил в бокалы вина, подал один черноволосому кавалеру и поинтересовался у него:

— Ну что, когда в путь, бастард Арманьяк? И учти, у нас на все про все лишь полгода. Все письма и грамоты к утру уже будут готовы.

— О-хо-хо... — притворно захохатал брюнэт. — Бастард там, бастард здесь... Я только начал окучивать дам при твоём дворе в Памплоне. Некоторые прям конфетки, ей-ей. Ну да ладно, волка ноги кормят. Завтра отправлюсь обратно в Сибур. — Он подхватил бокал и звонко чокнулся со своим собеседником. — Ну что, за успех нашего безнадежного мероприятия, Франциск Гастоныч?

ГЛАВА 1

Проснулся, как всегда, без раскачки. Прислушался к себе и понял, что, несмотря на вчерашние обильные возлияния, обошлось без постэффектов. Отличное вино в Наварре, как ни крути. И дамы, гм, весьма неплохие...

Повернулся на бок, приподнялся на локте и провел кончиками пальцев по спине мирно дремавшей рядом черноволосой женщины. Та, не просыпаясь, замурлыкала и забросила на меня ногу.

Отложив ненадолго немедленный порыв совершить очередной акт любви, я обвел взглядом комнату. Угу, дамская спальня, совмещенная с будуаром, значит, к себе привела. Обстановка роскошная, с изысками: на полу — огромная медвежья шкура, дубовая мебель, на столике с ножками в виде львиных лап — чеканная серебряная посуда, да и свечи в шандалах восковые, а не сальные. Даже простыни батистовые, и подушки набиты пухом, а не соломой, как это сейчас водится. Хотя ничего удивительного, все-таки первая статс-дама мамыши самого короля. Как там ее... Мирабель де... Черт, из башки вылетело. Да и бог с ней, главное, хороша собой, кровь с молоком, хотя далеко за тридцатник мадаме. И даже чисто-плотная, что большая редкость для этого времени. Неимоверно страстная и жадная к ласке, как все южанки, хотя и дремучая в делах любви, как неандерталец.

Неожиданно за гобеленом на стене раздался шорох, а потом отчетливый щелчок, как будто провернули ключ в замке. Я ругнулся шепотом. Не дай бог, мужа нелегкая принесла...

Протянул руку к прикроватной тумбочке и схватил с нее пистоль. Быстро проверил затравку, двумя оборотами ключа взвел колесцовый замок и прицелился в... даму, решительно шагнувшую в комнату.

Забранные в серебряную сетку золотистые волосы, удивительно красивое надменное лицо, зеленые глаза, высокая грудь в усыпанном драгоценными камнями лифе платья из небесно-голубого бархата... Это была...

Черт побери, да это сама Мадлен де Фуа, дочь Франции, до недавних пор регина Вианская, Беарнская и Андоррская и по совместительству мамаша Феба. Та самая Мадлен, с которой у меня вспыхнул страстный стремительный роман при первом посещении Фуа. Закончившийся вместо пылкого траха дыркой от клинка даги в моем бедре и побегом из графства в чемодане. Та самая Мадлен, которую я старательно и успешно избегал с самого момента моего появления в Памплоне. Впрочем, она отвечала тем же, упорно не замечая своего несостоявшегося любовника, то бишь меня.

Хладнокровно проигнорировав пистолет, Мадлен процокала каблучками к креслу, изящно подобрав юбки, уселась в него и небрежным жестом приказала вскочившей с постели Мирабелы удалиться.

Статс-дама быстро присела в книксене, подхватила рубашку с пола и покорно свалила через потайную дверцу, а меня неожиданно осенило, что вчерашний бурный роман и последующее соитие были не чем иным, как спланированной акцией. Ну да, все верно... Сдалась Мирабель удивительно быстро для своего положения при дворе и тем более — для замужней дамы. А я, лопух, повелся. Заманили, гадины! Вот только для чего? Для приватного разговора, дабы избежать огласки? Или захотела посадить на крючок на компре? Хотя это вряд ли, должна понимать, что на такой компромат я плевал с высокой башни. Будет вербовать на сторону Паука? Тоже вряд ли, дурой ее никак не назовешь. Тут что-то иное...

«И какого черта тебе надо?» — Я положил рядом с собой пистоль, сел на постели, скрестив ноги по-турецки, и уставился на Мадлен, приглашая начать разговор первой.

После недолгого молчания графиня приняла приглашение.

— Рада видеть, что вы за прошедшие годы не растеряли своего пыла... — Мадлен едва заметно кивнула, словно соглашаясь сама с собой. — И мужественности, Жан...

— А вы — свою красоту, контесса... — Я вернул ей любезность вместе с куртуазным поклоном.

Правда, с учетом того, что я сидел на кровати и был в чем мать родила, поклон смотрелся немного странновато.

— Вы всегда были отъявленным льстецом, Жан... — Мадлен поощрительно мне кивнула.

— Отнюдь, контесса, я честен перед собой и вами. Но чем обязан столь неожиданному визиту?

— Вы не рады? — Мадлен изобразила на личике насковозь притворное огорчение.

— Отчего же, весьма рад... — Жизнерадостно соврал я, одновременно подавив в себе желание затащить в койку условную мамашу коллеги по неожиданному вояжу в Средневековье. До сих пор чудо как хороша, зараза, но подобный мезальянс может создать лишние сложности. А на черта они мне? Да и Феб не поймет, потому что с маман они если не враги, то точно не союзники. Мамаша Стифлера в средневековом варианте...

— Знаете, Жан... — Графиня пронзила меня откровенным взглядом. — Я часто вспоминаю вас и задумываюсь, как бы сложилась наша судьба, если...

Она томно вздохнула и замолчала.

Я не принял игры и резко сменил тему разговора:

— Контесса, вы не будете против, если я все-таки оденусь?

— Нет, что вы, граф... — Мадлен всплеснула руками. — Я даже... даже могу вам помочь...

И прикрыла веером порозовевшее от смущения личико.

— Не стоит утруждать себя, контесс... — Я рывком встал и пошлепал босыми ногами к стулу, на котором висела моя одежда.

В Сибур я по дурости явился в наряде, лет эдак на сто пятьдесят опережающем нынешнее время, но при дворе в Памплоне уже шеголял одетым по последней моде. Правда, в слегка усовершенствованном варианте для пушего удобства, то есть без всяких этих шнурков и прочих подвязок, соединяющих запчасти костюма. Верней, при них, но только декоративных.

Так... сначала плеснуть в морду водичкой из серебряного тазика и промокнуть полотенцем. Затем — средневековые труселя-брэ, камиза, шоссы, ботфорты, колет... застегнуться на крючки, пояс, перевязь с мечом, пригладить патлы, натянуть беретку, поправить перышки... Стоп, пистоль забыл. Пожалуй, на этом все.

— К вашим услугам, контесса... — облачившись, я растопырился перед Мадлен в придворном поклоне.

— Прошу, граф... — Контесса кивнула и указала на кресло перед собой.

— Итак? — Я сел и вопросительно склонил голову.

К своей чести, Мадлен не стала тратить время на экивоки и сразу приступила к делу:

— Для начала прошу у вас прощения, Жан, за столь бесцеремонное вторжение. Увы, мне было необходимо побеседовать с вами, не афишируя сего факта среди двора.

— Значит... — я скосил глаза на потайную дверцу, — ваша статс-дама...

— Да, — не стала возражать Мадлен. — Но она сама была не против. Вы, Жан, действуете совершенно обольстительно на дам. Вся моя свита словно обезумела.

— Вы мне льстите, контесса.

— Бросьте, Жан... — Мадлен нетерпеливо отмахнулась. — Итак, перейдем к делу. Увы, я склонна связывать произошедшие перемены в моем сыне с вашим появлением. Поэтому буду просить вас объясниться. Вы настроили его против меня из-за своей вражды с моим братом? Уверяю...

— Думаю, ваш брат сам настроил Франциска против себя... — Я тактично прервал ее. — В тот самый момент, когда приказал проломить ему голову свинцовым шаром. А я в жизни Феба появился гораздо позже. И смею уверить, мои распри с Луи никак не связаны с преображением вашего сына. Потому что до недавних пор я совершенно не знал Франциска. А когда встретил его, он уже был таким, как есть сейчас. То есть совершенно состоявшимся для трона.

— Он очень изменился, боюсь, не в лучшую сторону... — пожаловалась Мадлен, начисто пропустив мои слова о приказе Паука.

— В лучшую, контесса, в лучшую.

— Хочется надеяться... — тяжело вздохнула Мадлен. — Но вы же не станете отрицать, что имеете непосредственное влияние на Франциска?

— Очень опосредованное. — Я усмехнулся. — Повторюсь, Феб — совершенно состоявшийся государь. И скорее он влияет на меня, чем я на него. Контесса, вы странным образом пропустили момент взросления вашего сына.

— Он повзрослел в один миг! — огрызнулась контесса. — Но не суть, что случилось, то случилось. У меня есть предложение к вам, Жан.

— Весь во внимании, контесса.

— Я могу стать посредником между вами и моим братом... — с легким намеком предложила Мадлен. — И вы вернете свои владения гораздо быстрее...

— Больше ни слова, контесса, иначе наша беседа закончится, так и не начавшись.

Графиня досадливо закусила губу.

— Пусть так, Жан. Но не предложить я не могла. В таком случае у меня будет к вам просьба.

— К вашим услугам.

— Молю, удержите Феба от необдуманных поступков! — горячо воскликнула Мадлен. — И защитите от опасностей, буде таковые возникнут! А они возникнут обязательно.

— Гм... в ваших устах это странная просьба, контесса...

— Я его мать! — гордо заявила Мадлен. — И даже при всех наших разногласиях не могу не беспокоиться за своего сына.

— Но почему я?

— Поверьте, я разбираюсь в людях... — Графиня усмехнулась. — К тому же ваше благородство не сравнимо ни с чьим другим. Если уж кому и доверять Феба, то только вам. В ответ я обещаю любое содействие со своей стороны и горячую признательность...

Я слегка задумался, поискал подвоха в ее словах, а потом кивнул.

— Хорошо, контесса. Обещаю, что приложу все свои силы для защиты Франциска. И по мере возможности буду удерживать его от необдуманных поступков. Взамен мне не надо ничего.

— Так уж ничего? — Мадлен с намеком заглянула мне в глаза.

— Ничего, ваше сиятельство. Разве что вашу дружбу.

— Вы остались таким, каким я вас запомнила, Жан... — Графиня неожиданно тепло улыбнулась. — Господи, как бы мне хотелось вернуть время...

— Что было, то прошло, контесса... — Я тоже почувствовал нечто похожее на сожаление. — Я могу еще чем-нибудь быть вам полезным?

— При случае наекните сыну, что я принимаю его таким, какой он есть... — тихо попросила Мадлен. — И пусть он не ждет от меня предательства. Но полное содержание нашей беседы не надо афишировать.

— Обещаю вам, контесса...

Совершенно неожиданно в коридоре раздался шум перепалки, потом дверь с треском распахнулась и в комнату ворвался, черт бы его побрал, шевалье де Тараскон, фаворит вдовствующей графини Вианской.

— Я требую объяснений, Мадлен! — яростно заорал он, пытаясь освободиться от вцепившихся намертво в его колет двух придворных дам. — Как это понимать? Что вы делаете наедине с этим... этим...

— Советую подумать, прежде чем что-либо сказать, — холодно посоветовал я ему. — Ибо некоторые слова смываются только кровью.

Шевалье повел налитыми кровью глазами по разворошенной постели со смятыми женскими чулками на ней и заверещал с новой силой:

— Поединок! Я вызываю, как вас там...

— Немедленно замолчите, — холодно бросила Мадлен. — И ступайте к себе, Одар!

По графине было видно, что она едва сдерживает бешенство.

— Вы не вправе мне приказывать, ваше сиятельство! — напыщенно заявил Тараскон, положив руку на эфес золоченого парадного меча. — Поединок неизбежен. Я обрежу уши этому наглецу!

Я по инерции посмотрел на Мадлен, хотя ход событий уже не допускал ничего иного, кроме поединка, и она ничем его не могла предотвратить. Разве что силой заставить извиниться мальчишку.

Графиня досадливо поморщилась и бросила мне:

— Постарайтесь не изувечить его ниже пояса, граф.

После чего встала и в сопровождении дам удалилась.

Вот так так! Я невольно залюбовался дочерью Франции. А мне сначала показалось, что этот хлыщ из нее веревки вьет. Н-да... королевская кровь не водица.

— Ваше сиятельство? Мадлен?! — У Тараскона в буквальном смысле едва не отвалилась челюсть. — Но вы... как...

Видимо, парень ну никак не рассчитывал на такую реакцию любовницы.

— Поздно, дружочек... — Я едва не расхохотался. — Итак, перед вами два варианта. Подсказать каких? И учтите, ваши извинения должны заставить оттаять мое сердце. А это будет очень непросто.

— Едва нашел вас, сир... — В комнату ввалился вовсю благоухающий перегаром Логан. — Все готово к отправлению... — Скотт повел взглядом по комнате, а потом уставился на шевалье. — А этому шенку от вас чего надо?

— На поединок меня вызывает... — спокойно объяснил я.

— Кто? Этот? — Шотландец презрительно осклабил похмельную рожу.

— Что вы себе позволяете! — гордо вздернул нос де Тараскон. — Я...

— Ты уже труп, дурачок! — рявкнул Логан прямо ему в лицо. — Сир, дозвольте я ему яйца отчекрыжу...

— Тихо, тихо, братец Тук. — Я остановил разбушевавшегося шотландца. — Давай сначала предоставим молодому человеку возможность извиниться.

— Извиниться? — возмущенно заорал Тараскон. — Да никогда! Поединок! Сначала с вами, а потом — с этим господином!

— В таком случае прошу за мной... — Я встал и пошел к двери. — И учтите, как вызываемый, я выбираю оружие, а вы, как вызвавший меня, обязаны испросить разрешения на поединок у его величества. А буде такового не поступит, мы будем обязаны покинуть пределы дворца, потому что не пристало порочить самовольной схваткой государевы покои...

Но едва спустились в сад, как наткнулись на самого Феба в сопровождении его чернокожего гиганта, сержанта Эрасуны и амхарцев. Видимо, кто-то из придворных уже стукнул по инстанции.

— Потрудитесь объясниться, — бросил Феб, холодно смотря на шевалье Тараскона.

— Я вызвал этого господина! — отчеканил парень. — И прошу вашего разрешения на поединок, ваше величество.

— По какой причине?

— Это мое дело! — гордо заявил Тараскон.

— Раз так... — По лицу Франциска пробежала едва уловимая улыбка. — Мы даем вам разрешение. Эрасуна...

Сержант с готовностью шагнул вперед.

— Да, ваше величество?

— Вы будете распорядителем.

— Как прикажете, ваше величество... — Эрасуна со всей дури шарахнул кулаком себя по груди.

Сержант свое дело знал назубок. Отчеканив необходимые формулировки и задав обязательные вопросы, он отдал команду готовиться к схватке.

Когда Логан стягивал с меня колет, к нам подошел Феб.

— Что случилось?

Я пожал плечами.

— Дурачок приревновал меня к твоей мамаше. Причем абсолютно без причины. Ворвался, когда мы разговаривали, нагрубил и все такое.

— А вы разговаривали? — В голосе Феба проскочила льдинка. — Когда?

— Сегодня утром. Если вкратце, я трахнул ее статс-даму, но, как дальше выяснилось, меня к ней просто заманили, чтобы без огласки поговорить. Все в стиле твоей маман.

— И о чем разговаривали?

— Увы, не могу сказать, — твердо ответил я, — так как обещал не раскрывать сути беседы. Хотя... кое-какие слова Мадлен передам. Она сказала, цитирую: «При случае намекайте сыну, что я принимаю его таким, какой он есть. И пусть он не ждет от меня предательства...»

— Ой ли? — Франциск недоверчиво прищурился.

— Мое дело передать, а ты решай сам. Но мне показалось, что она говорила искренне. Хотя... с твоей мамашей ни в чем нельзя быть уверенным.

— Ладно, позже разберемся. — Феб с сомнением покачал головой. — Только не убивай щенка. Так, попорть ему шкурку — и все.

— С чего бы это вдруг ты стал таким добреньким?

Франциск хмыкнул.

— От этого я уже знаю, чего ждать, а нового фаворита, который очень скоро появится, уж будь уверен, придется заново просчитывать. И не факт, что он будет лучше, чем этот.

— Ну ты и жук, Франциск Гастонич.

— Не я такой, жизнь такая... — лицемерно вздохнул Феб.

— Хорошо... — Я вытащил эспаду из ножен и, разминаясь, сделал несколько веерных махов. — По просьбам заинтересованных сторон смертоубийство отменяется. Да-да, между прочим, оная дама Мадлен тоже просила парню яйца не отрезать. Так что ваши желания совпали.

— Готовы? — выкрикнул Эрасуна. — Сходитесь, господа.

Описывать поединок нет нужды, ничего особо интересного на нем не произошло. Тараскон имел некоторое представ-

ление о владении мечом, честно говоря, весьма посредственное, но отличился в первую очередь своей стойкостью. Мальчишку пришлось трижды пырнуть, прежде чем он лег. Далее оный фаворит совершенно искренне раскаялся, получил прощение и был препровожден амхарцами к лекарю.

Мадлен наблюдала за нами из окна. А после того как все закончилось, одна из ее фрейлин украдкой передала мне золотой перстень со здоровенным изумрудом и с надушенным платочком. Взял, конечно, почему не взять.

И тут я вспомнил, что забыл узнать у Мадлен о своей Франсуа-Франсуазе, остолоп забывчивый. Но соваться обратно к матушке Феба не стал, дабы не породить лишние сплетни.

Далее, после очередного разговора с Франциском мне представили обещанного легиста. И как только я его увидел, сразу понял, почему Феб улыбался, когда о нем говорил.

Правоведа я представлял собой сухеньким очкариком с вьедливой физиономией и в черной мантии, непременно испачканной мелом, но магистр права Деннис де Брасье оказался шкафообразным верзилой с обширной жизнерадостной мордой. Могучая бычья шея, широченные плечи, бочкообразная грудь, черт, да у него только бицепс был толщиной с мое бедро. На что боженька не обидел статью братца Тука, но этот был куда как здоровее. Причем, как я подметил, его могучесть, помимо природного происхождения, являлась еще результатом упорных спортивных упражнений. У меня глаз наметанный.

При этом легист щегольски одевался и, неслыханное дело, носил меч, так как был дворянином. Эдакий Портос от юридической науки. И даже в некотором роде однофамилец, так как данный книжный персонаж стараниями его творца Дюма, после того как отошел от дел, стал как раз де Брасье.

— Позвольте представить моего коллегу, ваше сиятельство, — главный легист Франциска мэтр Капулетти с гордостью презентовал гиганта. — Мэтр Деннис де Брасье, магистр римского и канонического права. Выпускник Болонского университета. Исключительный специалист своего дела.

«Исключительный специалист» немедля растопырился в изысканном придворном поклоне. Правда, с грацией медведя, что и неудивительно при таких-то габаритах.

— Ваше сиятельство...

— Вы нобиль? — поинтересовался я.

— Да, ваше сиятельство... — с гордостью отвечивал де Брасье.

— В таком случае что побудило вас стать легистом? — задал я следующий вопрос.

Не то чтобы в наше время дворянам прямо возбранялось учиться, но подобная практика среди благородных была чрезвычайно редка. Не те интересы. Хотя ученые среди первого сословия все-таки встречаются.

Небось младший сын какого-нибудь захудалого рода, остался ни с чем, после того как все родовые владения по майоратному принципу отошли старшему отпрыску, вот и решил податься в студиозусы. Между прочим, не самый худший вариант, так как у безземельных дворян выбор невелик. Либо приткнуться на службу куда-нибудь в ордонансовые подразделения, что не так-то легко, ибо желающих пропасть, либо в наемники. В разбой тоже часто скатываются. Банальных бродяг среди них тоже хватает.

— С великим удовольствием поведаю вам сию историю, ваше сиятельство, — манерно порывивая голосом, ответил легист. — Но она потребует много времени для изложения.

Я слегка поколебался и принял в свою команду гиганта. Турнуть за профнепригодность никогда не поздно. Но, как мне кажется, этот верзила все-таки будет полезен.

А сразу после обеда я выехал из Памплоны вместе со всей своей гоп-компанией и легистом. Но Пелегрини оставил в качестве инструктора при новоиспеченной школе артиллерийского дела. Нечего старику таскаться по дорогам, пусть слегка отдохнет.

ГЛАВА 2

Сначала я думал навеститься в расположенный недалеко от Барселоны монастырь Святого Даниэля, чтобы навестить свою матушку Изабеллу, а точнее, мать бастарда, в тело которого меня занесла нелегкая. Но, прикинув по карте расстояние и маршрут, в конце концов передумал. Во-первых, дорога неблизкая, примерно сто пятьдесят лиг, а это добрых пятьсот километров, и только в один конец, а во-вторых, если я хочу успеть за одну навигацию пройти большую часть своего предстоящего путешествия водным путем, не стоит терять даже одного дня. От намерения навестить мать я не отказываюсь,

просто заскочу в монастырь во время перехода в Рим, благо получается по пути. Правда, придется переть через Гибралтар, на подходах к которому всюду шалют сарацинские пираты, но это дело такое, даст господь, обойдется.

В Сибур мы выехали тем же маршрутом, по которому следовали в Памплону. Сначала в По, оттуда в Ортез, а там уже и до побережья рукой подать. К счастью, никаких неприятных случайностей по пути не случилось. Впрочем, разбойники и прочие лихие люди тоже не полные идиоты, чтобы нападать на отряд из полусотни воинов в полном вооружении.

На исходе третьего дня до конечной точки нашего маршрута оставалось всего ничего, какой-то десяток лиг, то есть около половины обычного дневного перехода. Правда, уже темнело и пришлось заночевать прямо у дороги в небольшом ореховом леске. Я ожидал какого-нибудь местного феодала с претензией, но никого так и не принесло.

Быстро обиходив лошадок, все расселись вокруг костров и в ожидании ужина принялись потягивать из бурдюков местное кисленькое вино.

Народ неспешно беседовал, как водится среди старых знакомых, обо всем и ни о чем. Фыркали стреноженные лошади, пугаясь ухавшей неподалеку птицы.

— Я в детстве парень был недюжий... — вдруг дурашливо загорланил Логан.

— И бочку пива выпивал... — тут же подхватил козлиным голосом Деннис де Брасье.

Латники дружно заржали, приветствуя выходку скотта и легиста. Я тоже невольно улыбнулся. Эта парочка каким-то неожиданным образом оказалась похожей друг на друга и очень быстро спелась за время пути. У Логана и де Брасье даже биография в чем-то была сходна. Денниса точно так же, как и скотта, в свое время планировали упечь в монастырь. Правда, легист отбоярился еще до пострига. А до своего обучения в Болонском университете успел отметиться в кондотьерах.

Буйные и никогда не унывающие верзилы, оба пьяницы, бабники и дебоширы. Вдобавок отъявленные выжиги и скупердяи (покупая по дороге фураж для лошадок, довели продавца в Ортезе едва ли не до инфаркта). Словом, замечательные люди.

Да уж, подкинул мне Феб от щедрот своих юриста. Впрочем, я доволен. До применения легиста по назначению еще не

дошло, но он мне уже нравится. Тем, что, выслушав суть дела, Деннис де Брасье не стал вдаваться в разглагольствования и обещания, а коротко сказал: будем работать, и точка. А еще тем, что назначил весьма кругленькую сумму за свои услуги, но без всякой предоплаты, только по факту успешного выполнения задания. Правда, выторговал на время работы себе полный кошт, то бишь кормежку, выпивку и услуги падших женщин.

Но ничего, с меня не убудет, главное, чтобы легист сделал свое дело. Для чего он мне нужен? Во-первых, мне надо железобетонное юридическое обоснование моего титула «божьей милостью» и полноправное признание меня правопреемником и наследником отца. А также подтверждение незаконности аннексии Арманьяка Пауком, чтобы его черти в аду на сковороде жарили, ублюдка эдакого. Во-вторых, на совести де Брасье — сопровождение моей будущей легализации Ватиканом с точки зрения средневековой юриспруденции. Все это понадобится при возвращении Арманьяка и в разборках с гасконской знатью. А эти разборки обязательно будут, уверен на сто процентов.

А еще надобно выведать истинные размеры родовой вотчины со всеми теми уделами, что поотпадали еще до моего папеньки, чтобы, значит, все к рукам прибрать. Как я всегда говорил, тщательная работа с документами — основа прогрессивного феодального хозяйства.

Да много еще чего предстоит сделать де Брасье, словом, начать и закончить. К счастью, часть семейных архивов уже в Гуттене, мне их передал Базиль, старый слуга моего отца, перед тем как отправился убивать Паука. Что со стариком дальше случилось, я не знаю, но, судя по тому, что Луи еже жив, у Базиля ничего не получилось. Хотя об очередном, но не связанном со мной покушении на Паука мне доносили. Он устроил или не он — мне неведомо, но будет жалко, если подставился и погиб.

А вот остальную часть архивов еще предстоит добыть, она спрятана в Фезансаге, в одном из моих замков. Но даст бог, доберусь и туда.

— Сир, прошу... — Луиджи с поклоном преподнес мне исходящую аппетитным дымком надколотую с краю глиняную миску и большую горбушку серого ноздреватого хлеба.

Я зачерпнул деревянной ложкой варево, отхлебнул и зажмурил от удовольствия глаза.

Умм, вкусотища-то какая... Ничего особенного, обычный жидковатый пшениный кулешик с молодой бараниной, обильно приправленный чесноком, специями и сухими травами. Недосоленный, мясо жестковатое, крупа слегка подгорела, хотя и недоварилась, но, черт побери, такая еда мне милей разных там королевских разносолов.

Быстро прожевав, я кивнул и степенно изрек:

— Годно...

Традиция, однако — командир первым пробует пищу. Так повелось с рутьерских времен.

Все, в том числе и я, быстро пробормотали молитву и ускоренно заработали ложками.

Налопавшись от пуза, сходил отлить в кусты, заодно проверил дозорных и вернулся назад. Тяпнул пару добрых глотков из походного кубка, откинулся головой на седло и невольно проникся окружающей действительностью. Едва слышно шелестит листва под легким ветерком, на фоне усыпанного звездами неба просматриваются черные громады гор, потрескивают дрова в костерке — благодать, да и только. Прохладно, даже холодно, но это лишь подчеркивает остроту ощущений.

Эх, люблю я такую жизнь. Волчью, всегда на ногах, но все равно люблю. Я и в прошлой своей ипостаси не был домоседом, а сейчас — тем более.

Нет, кто мог себе представить, что меня, в общем-то ничем не примечательного тренера по фехтованию, зафитилит в дремучее Средневековье? Да еще и в тело бастарда, за которым охотились все кому не лень, в том числе сам руа франков Луи, одиннадцатый этого имени, с веселеньким прозвищем Всемирный Паук. Еще тот гад...

По всем прикидкам, я должен был сдохнуть, не продержавшись и месяца, но как-то выкарабкался, не иначе только божьим произволением. Даже умудрился стать кавалером ордена Золотого Руна, что само по себе стоит дороже всех моих выслуженных титулов. Да уж... как вспомню, так вздрогну. Власть пришлось побегать и покрутиться. Шел на верную смерть, сам убивал, любил, был любимым, приобретал и терял друзей...

Правда, своей родовой вотчины я пока так и не вернул. Но со встречей с еще одним «счастливчиком», Франциском, принцем Вианским по прозвищу Фебус с этим делом намети-

лись явные подвижки. Хотя забегать вперед не стоит. Время покажет...

Почувствовав, что засыпаю, я закутался в вальтрап и уже через несколько мгновений провалился в сон. И так же, без раскачки, проснулся на рассвете.

Зычно гаркнул, поднимая своих, поплескал в морду ледяной водичкой из ручья и принялся седлать жеребца. Очень скоро мы снова выехали на дорогу, а к полудню вдалеке показались стены шато Дюртубийе, коммодории ордена Горностая в провинции Пиренеи. Старинного замка, построенного еще во время владычества англов в этих местах.

А еще через несколько минут мы встретили на пути самую шевальер Аиноа, даму д'Эрбур, кастеляна коммодории и по совместительству пассию Феба. Симпатичную дамочку, смуглую, жгучую и статную брюнетку.

Шевальер, ловко устроившись в дамском седле, неспешно трусила на караковой кобылке нам навстречу в сопровождении своих егерей, четырех усатых мужиков в возрасте. И, к моему удивлению, пребывала эдак на пятом-шестом месяце беременности. Или около того. Зеленое платье и меховая безрукавка совсем не скрывали аккуратного животика.

Интересно девки пляшут. Неужто Феб отметился? Точно он. Ай да хват! Да и девчонка не дура — подцепить на крючок самого короля. Похвально, похвально, ничего не скажешь. Я понял, что девица далеко пойдет, еще тогда, когда узнал, как она ловко кинула своего папеньку.

— Шевальер... — Не слезая с седла, я склонился в поклоне, обмахнув перьями берета круп жеребца.

— Ваше сиятельство... — Аиноа ответила мне коротким кивком. — Надеюсь, дорога была к вам милостива?

— Хвала Деве Марии, шевальер. Рад вас видеть в здравии...

Аиноа недовольно наморщила лобик и, положив руку на округлившийся живот, пробурчала:

— Чувствую себя толстой и неуклюжей, как жаба. Вдобавок все словно сговорились, кудахчут словно квочки надо мной, едва вырвалась от них проехать верхом. К счастью, живот не мешает стрелять из лука... — Она указала на двух убитых ланей, притороченных к седлам егерей. — Так что вы вовремя, сир, сама запекла для вас костреца с овощами.

— Ваши охотничьи и кулинарные таланты под стать вашей красоте, шевальер... — Я не преминул шегольнуть куртуазностью. — С большим удовольствием полакомлюсь.

— Вы мне льстите, сир... — Аиноа довольно улыбнулась. — Тогда не будем медлить, поскорей вернемся в коммодорию. — И, разворачивая кобылу, как бы невзначай бросила: — А вы пока поведайте, как там дела в Памплоне.

«Ага... — про себя улыбнулся я. — Если тебя и интересует наваррский двор, то только в контексте его хозяина. Ну что же, дама д'Эрбур, с удовольствием удовлетворю ваше любопытство...»

— Государь в полном здравии, не далее как перед моей отпавкой в дорогу упоминал о вас, шевальер... — Я достал из седельной сумки футляр для писем и с легким поклоном передал женщине. — И передал со мной личное послание...

Аиноа быстро цапнула тубус, уже ухватила за печать, чтобы сорвать ее, но потом справилась с собой и убрала футляр. И, тщательно скрывая свою заинтересованность, поинтересовалась у меня:

— У нас здесь поговаривают, что идут переговоры о браке государя с португальской инфантой?

— Мне ничего об этом не известно, шевальер... — лихо соврал я.

На самом деле эти переговоры уже успешно закончились. Графиня Седубал изначально предназначалась Саншо Одноглазому, инфанту Кантабрийскому, но за него Феб отдал свою сестру Каталину, а сам решил взять в жены рекомую даму. Естественно, ни о какой любви с первого и даже десятого взгляда даже речь не идет, брак состоится исключительно по расчету, как это всегда водится среди венценосных особ. Франциск отказывается от короны Альгарве, коя и так больше ритуальная, чем реальная, а взамен получает Азорские острова, порт Седубал на побережье и право торговать с Африкой под португальским флагом. Но всего этого шевальер знать не надо, во всяком случае — не из моих уст.

Так, за разговором, мы вскоре добрались до шато Дюртубийе. Надо сказать, с моего последнего появления в этих местах замок стал выглядеть гораздо презентабельней. Обновили машикули, отремонтировали герсу, перестроили подъемный мост и еще много чего по мелочи подшаманили. Видимо, назначение замка коммодорией ордена Горностая пошло ему на пользу.

Проследив, как разместили личный состав, я прямым ходом направился смывать с себя дорожную пыль. Шевальер любезно уступила мне свою личную мыльню. Как только пе-

реступил ее порог, следом за мной ввалились две крепкие румяные девки, честно говоря, не особо изысканной красоты, но вот прямо кровь с молоком, такие, каких сразу ущипнуть за бочок хочется.

— Я Луиза, ваше сиятельство... — Та, что поносастей, игриво хихикнула и, присев в легком книксене, поставила на столик большущий поднос с кувшинами, стаканами и плошками с разными заедками.

— Я Фелиция... — Вторая, губастенькая, с носиком поменьше, но тоже весьма немалым, после поклона уложила на лавку кипу льняных простыней.

А потом, расплывшись в лукавых улыбках, обе хором пропели:

— Мы поможем вам принять ванну, сир...

Я хмыкнул, налил себе в стакан вина, ухватил кусман сыра и спокойно бросил девкам:

— Тогда чего стоим? Платья долой. И воды подлейте погорячей...

Девичам не пришлось приказывать дважды. Весело хихикая, они мигом разоблачились до рубашек, раздели меня и, бережно поддерживая за руки, усадили в здоровенную деревянную лохань, покрытую простыней, дабы задницу от заноз уберечь. А потом и сами в нее угнездились.

В общем, шевальер Аиноа, дама д'Эрбур, прекрасно знала, как угодить ближнику своего зазнобушки. Обожаю умных женщин.

Забегая вперед, скажу, что девки очень быстро выдраили меня до скрипа, но ко второй части Мерлезонского балета, так сказать, к десерту, мы приступить не успели. Едва Луиза взяла «быка за рога», как в коридоре послышались чьи-то поспешные шаги, а потом в дверь мыльни заполошно затарабанили.

— Какого черта надо? — рявкнул я в сердцах.

— Сир... — ответил мне голос моего эскудера Клауса. — В гавань Сибура вошли два больших военных нефа франков...

Я с чувством выругался.

— Так, девы, отбой, живо вытираем и одеваем меня...

Уже через пятнадцать минут я стоял на донжоне и рассматривал в подзорную трубу бухту. Вход в нее перекрывали два здоровенных нефа под белыми флагами. Королевских лилий на них с такого расстояния не было видно, но в том, что это

посудины франков, сомневаться не приходилось. И в том, что они пришли за мной, — тоже.

«Ну да... Всю зиму «Виктория» здесь стояла, франки прознали и пригнали военные корабли, едва открылась навигация. Большие, как бы не под тысячу тонн водоизмещением... — размышлял я про себя. — Пушек, к счастью, нет, но другой стреляющей машинерии хватает. Вон и баллисты с требушетами на носовых и кормовых площадках. И самое пакостное, очень умно встали. Бухта маленькая, маневрировать придется на веслах, пока будем ловить ветер парусами, станем прекрасной мишенью. Даже если благополучно вырулим и пойдем на прорыв, велика вероятность, что один из нефов к нам успеет подцепиться. А с учетом того, что на нем не менее пяти сотен экипажа, арифметика явно не в нашу пользу».

Нет, ничего особо критического пока не случилось, к примеру, я могу сжечь их брандскугелями прямо от причала, для этого всего лишь надо развернуть «Викторию» бортом к выходу из бухты. Но если мы нападём первыми, в своем же порту, это будет прямым объявлением войны. А Наварра пока к ней не готова. Следовательно, сначала надо узнать...

— И какого черта они сюда приперлись? — вслух озвучил я вопрос и передал подзорную трубу Аиноа.

— Простите, сир... — Женщина виновато пожала плечиками. — Я не успела вам доложить. Франки требуют выдать им корабль под названием «Виктория» вместе с командой и капитаном фон Врунгелем. То есть вас выдать.

— Вот даже как...

— Я уже приказала собирать людей! — Аиноа состроила хищную гримасу. — Возьмем их ночью, подойдем тихо на лодках и... — Она решительно взялась за рукоятку кинжала на поясе. — Вырежем как баранов. Или потопим с берега из требушетов!

— Не спешите, шевальер... — Я поднял руку в успокаивающем жесте. — Так они требуют или просят? Угрозы были?

— Ну... — Аиноа озадаченно наморщила лоб. — Скорее просят. Сравнительно вежливо.

— Тогда приглашайте их главного на переговоры.

— Но...

— Шевальер, поумерьте пока свою кровожадность. Вырезать франков никогда не поздно...

ГЛАВА 3

Отдав все указания, я отправился в предоставленные мне покои переодеваться. Предстоит первое явление на люди гранд-адмирала флота Наварры, так что надо выглядеть соответственно. Время такое: чем выше стоит человек, тем пышней он должен выглядеть, иначе не поймут. Хотя я стараюсь не перебарщивать, одеваюсь дорого, но строго, без всяких модных излишеств.

Кстати, оного флота, чьего я адмирал, правды ради, пока практически не существует, но это в данных обстоятельствах не особо существенный факт.

Итак, отороченный кунным мехом темно-фиолетовый дублет со скромной серебряной вышивкой, парадные перья на темно-зеленом бархатном берете, парадно-боевое оружие, все пальцы в перстнях, даже золотые шпоры на ботфортах того же цвета, что и головной убор, по разряду «произведение искусства» проходят. Естественно, и свой орден Золотого Руна не забыл. По инерции хотел для пушего понта к нему добавить еще Дракона с Горностаем, но, увы, по статусу Руна никаких других наград с ним носить нельзя. Феб все подзуживает: мол, Атос у Дюма таскал все свое до кучи, а ты чем хуже, но я отказываюсь, ибо есть правила, которые нарушать нельзя.

Клаус и Луиджи переоделись в гербовые ливреи моих цветов и даже по-быстрому патлы на палочки накрутили, дабы щеголять кудряшками по нынешней моде. Logan и де Брасье тоже нарядились, правда, их похмельные рожи несколько портили впечатление. Оба всю дорогу пребывали в состоянии перманентного опьянения — тут у кого хочешь морда опухнет.

Управившись, мы спустились в каминный зал замка, где уже собралась местная хунта в полном составе, то есть шесть рехидоров и алькальд, далее — алькайд, он же командир местного гарнизона, дойч мэтр Штриматтер, переименованный Фебом в Круппа, а также кавалер ордена Горностая, валлиец дон Оуэн Лоугох ап Ллевелин. Черт бы побрал эти валлийские имена.

Как очень скоро выяснилось, все оные, кроме Круппа и валлийца, уже успели переругаться на тему, как и каким способом унасекомить франков. Вопрос решения проблемы дипломатическим путем даже не обсуждался. Пылкий все-таки народец эти южане. Ну ничего, я сейчас слегка поубавлю пыл горячим наваррским парням.

Приняв поклоны и представления, я уселся в кресло. Шевальер немедля меня представила и сделала акцент, что, как гранд-адмирал флота Наварры, я курирую всю оборону территориальных образований на побережье и могу спрашивать с них по-взрослому, по полной программе. То бишь казнить или миловать.

Все прониклись и на меня уставились, надо понимать, ожидая решающего вердикта по способу умерщвления гостей. Аиноа делала вид, что она тут ни при чем. Скорей всего, наш разговор с ней она еще не озвучила.

Я немного помолчал, а потом спокойно сказал:

— Господа, я ничуть не сомневаюсь в вашей доблести, мужестве и верности короне. И одобряю намерения дать отпор франкам, буде оные осмелятся проявить какие-то недружественные действия. Однако нападать первыми будет совершенно неразумным, ибо подобное решение будет расценено как прямое объявление войны и развяжет руки руа Луи. Вы возьмете на себя смелость совершить такой шаг без одобрения короля?

Враз помрачневшие рожи наглядно засвидетельствовали о том, что желающих нет.

Я сделал длинную паузу, давая местным прочувствовать момент, а потом, подпустив в голос металла, заговорил:

— Но все это не повод для того, чтобы не быть готовыми встретить франков. Кстати, где там их главный?

По лицу шевальер пробежала едва заметная усмешка.

— Сначала он хотел, чтобы наши представители прибыли к нему. Но когда мы пригрозили стрелять по нефам из trebuшетов, все-таки согласился отправиться сам. — Аиноа безразлично пожалала плечами. — Потом отказывался ехать в шато на телеге. А после того как местные торговцы не продали ему лошадь, пошел пешком...

Городские начальнички тут же мстительно ослабились. Я тоже не сдержал улыбки. Ай да шевальер, опустила человечка Паука ниже плинтуса. Лошадок у франков с собой нет, потому что морем их очень опасно перевозить, а если главный у гостей — дворянин или тем более рыцарского звания, то в телеге ему передвигаться западно, лучше уж пешком. Ну что тут скажешь, молодцы.

— Пусть идет... — Я одобрительно кивнул и перевел взгляд на сибурских начальников. — Итак, предлагаю вам доложить обо всех наличествующих силах и мобилизационном потен-

циале. А также отчитаться о выполнении задач по укреплению обороны города, поставленных вам его королевским величеством Франциском, первым этого имени, во время его пребывания в Сибуре. А назавтра я назначаю инспекцию на местах.

Рехидоры с алькайдом и алькальдом резко помрачнели, а вот дойч с валлийцем — совсем наоборот: воспрянули, при этом мстительно поглядывая на городских.

Ага... все понятно, наблюдается явный конфликт интересов. Ну что же, сейчас разберемся.

— Дон Оуэн, первым я заслушаю вас...

Вполне ожидаемо, лучше всего с поставленными задачами справились дойч и валлиец. Башня на мысу Сокоа, в которой Феб планировал организовать картографическую школу и за реконструкцию которой отвечал дон Оуэн, уже практически была достроена, на ней даже успели оборудовать артиллерийскую четырехорудийную площадку с тремя двадцатичетырехфунтовыми орудиями. Штайнмайер доложил об изготовлении еще шести таких пушек, но вот доставить их в город из Эрбура, где находилось литейное производство, он пока не успел. Набрать и обучить расчеты — тоже. По объективным причинам, прямо связанным с управленцами Сибура.

По завершении докладов дойч и валлиец дружно наябедничали, что городские власти всячески саботируют их работу. Как я понял, без особых причин, чисто из-за гонора по отношению к чужакам. Впрочем, как позже выяснилось, поначалу Штриматтер и Оуэн сами несколько свысока отнеслись к местным, вот и получили в ответ. Как я уже говорил, южане — народец гонористый, понаехавших не жалуют от слова совсем.

С наличествующими воинскими силами дело обстояло вполне сносно, город мог выставить прямо сейчас триста солдат, в том числе сотню тяжеловооруженных, и в течение суток собрать еще столько же. А вот поставленные Фебом задачи рехидоры практически завалили. Из четырех запланированных позиций для требушетов на скалах вокруг бухты были организованы всего две. Помимо этого, хватало и других провинностей. О содействии в организации морской базы в бухте Сен-Жак де Люз и постройки второго форта на северном мысе бухты я даже не говорю. Там вообще конь не валялся.

Попытка оправдать все запутанностью и сложностью местных фуэрос, то есть законов, а также их противоречием с уставом коммодории благополучно провалилась.

Разбор полетов был кратким, но драг я местных в особо извращенной форме и выделил им месяц на исправление недостатков, в противном случае пообещал в красках расписать королю о творящемся безобразии. Этого хватило, чтобы си-бурцы прониклись до мозга костей. Отчитав, я их прогнал, оставив при себе только дона Оуэна и шевальер Аиноа.

А потом прибыл франк. А точнее, цельный опоясанный рыцарь, сеньор и барон в сопровождении двух оруженосцев и такого же количества пажей. Причем такой же бастард, как и я. Герб на коттах его свиты был наискосок перечеркнут красной полосой.

Сказать, что он был в ярости, значит, ничего не сказать.

Ну да, понимаю, прошагать в доспехах половину лиги по крутой дороге — это вам не это.

Весь покрытый пылью, потный и злой как собака долговзый мужик с худым породистым лицом ворвался в зал и, едва сдерживаясь, прошипел:

— Я барон Жан де Жевр, сеньор Дезай, с кем имею честь?

Вперед шагнул Луиджи и высокомерно отбарабанил:

— Пред вами — гранд-адмирал флота Наварры, кавалер орденов Золотого Руна, Горностая и Дракона, граф Жан де Грааве, пэр Англии, граф Албемарл, сеньор де Молен, барон ван Гуттен!

Графом божьей милостью Жаном Шестым эскудеро меня не упомянул, так как я сам запретил это делать. Даже несмотря на признание Франциском, полностью легализоваться еще рано. Предстоит путешествие через всю Европу, а лишняя известность может сильно повредить.

У барона чуть глаза на лоб не полезли, он явно не ожидал встретить здесь такого сановитого вельможу. Тем более что сам стоял несоизмеримо ниже на феодальной иерархической лестнице. Но, к своей чести, франк быстро пришел в себя и склонился в официальном поклоне, правда при этом кинув на меня странный взгляд.

— Ваше сиятельство...

— Ваша милость... — Я ответил церемонным кивком, так как сидел в кресле, а не стоял.

Далее по очереди представились все присутствующие. Дама Аиноа своим рыцарским званием и чином кастеляна орденской коммодории франка особо не удивила, на нее больше тарачились его оруженосцы и пажи.

После того как с официальной частью было покончено, я показал барону на кресло напротив себя.

— Прошу вас, присаживайтесь, ваша милость. Вижу, что ваши доспехи покрыты пылью. Вы шли пешком? — выслушав положительный ответ, я с демонстративным негодованием заорал: — Это неслыханно! Шевальер Аиноа, требую немедленно наказать причастных. А пока лучшего вина нам...

Приказ был незамедлительно исполнен. Правда, не исключая, что барону плюнули в чашу, а может, что еще похуже. После того как Феба шарахнули свинцовым шаром по башке, франков в Наварре, мягко говоря, недолюбливали. Все поголовно, от вилланов до дворян.

Де Жевр высадил махом целый бокал, я отпил всего глоточек и преувеличенно внимательно поинтересовался:

— Итак, позвольте узнать, что вас к нам привело?

— Простите, ваше сиятельство... — Франк пристально на меня посмотрел. — Но для начала не поясните ли мне, что означает чин гранд-адмирала?

— Конечно... — любезно ответил я. — Чин гранд-адмирала в Наварре приравнивается к чину коннетабля во французской воинской иерархии.

— Я полностью удовлетворен, ваше сиятельство... — Барон исполнил еще один кивок. — С готовностью поясню причину своего прибытия. Нам стало известно, что в бухте города Сибура укрывается корабль под названием «Виктория» под капитанством некоего Яна фон Врунгеля, подлого разбойника и пирата, отмеченного во множестве преступлений против короны Франции и многих других государств. Соответственно я прибыл сюда для задержания одного преступника и конфискации его корабля как средства разбойного промысла по поручению самого герцога де Бурбона, зятя его величества руа Луи, одиннадцатого этого имени. Прошу вас, ваше сиятельство, выказать нам полное содействие в сем законном деле...

Де Жевр изъяснялся несколько косноязычно и натужно, было видно, что он служака до мозга костей, а не придворный вельможа, что сразу несколько расположило меня к барону. А вот упоминание герцога де Бурбона, наоборот, вывело из себя, так как чертов Луи подарил своему зятю часть моих родовых владений, а именно — графство Ла-Марш и еще пару виконств.

— Насколько я понял... — сухо процедил я. — Вы прибыли с просьбой, а не с требованием? Или я ошибаюсь?

ГЛОССАРИЙ

алькайд — в пограничных районах командующий гарнизоном города и окрестным населением

алькальд — глава муниципального совета. Исполнял судебные, таможенные и финансовые функции в провинциях

армет (армэ) — рыцарский шлем XV—XVI вв. В отличие от гранд-бацинета, в армете бувигер из двух раскрывающихся лицевых половинок составлял единое целое с остальными частями шлема. В закрытом положении фиксировались штифтом на подбородке

бастард — незаконнорожденное (внебрачное) дитя. В средневековой геральдике внебрачные дети дворян, как правило, получали герб отца с левой перевязью

бастард (оружие) — «полуторный меч», «длинный меч». Из некоторых источников следует, что названием своим он обязан тем, что крепился не к поясу владельца, а к седлу лошади

бизань-мачта — третья от носа мачта на корабле

брандскугель — зажигательный снаряд для гладкоствольных орудий. Представлял собой подкалиберную болванку, обмотанную пропитанной горючим составом паклей

бувигер — элемент шлема для защиты подбородка

ваганты — поэты и музыканты

вальтрап — толстое суконное покрывало под седлом

великий пенитенциарий, также верховный пенитенциарий — глава апостольской пенитенциарии, одного из трех церковных трибуналов римско-католической церкви

винград — прилив в виде шара на окончании казенной части орудия

галера — парусно-гребное судно.

гербовый король — глава геральдической службы при королевском дворе

герса — крепостная решетка

горжет — стальной воротник доспеха для защиты шеи и горла

готический доспех — полный рыцарский доспех с середины XV до начала XVI в. Отличался большой гибкостью и свободой движений за счет некоторого снижения уровня защиты. Как правило, имел сильное гофрирование и рифление металлических пластин, позволяющее увеличить прочность и уменьшить вес лат

гукер — двухмачтовое судно с грот- и бизань-мачтами. На передней половине судна мачты не было. Название его зависело от назначения: для военного флота — кеч, для торгового — гукер. Парусное вооружение кеча и гукера было одинаковым

даи (цыг.) — мама

дамаст (дама, камка, камчатка) — ткань (обычно шелковая), одно- или двухлицевая, с рисунком (обычно цветочным), образованным блестящим атласным переплетением нитей на матовом фоне полотняного переплетения

дестриер (дестрие, декстер) — средневековая порода рыцарских боевых коней. Очень высокие, мощные кони, достигающие около тонны веса и роста в холке 180—200 см, хотя особенно ценились выучкой, выносливостью и породой, а не большим ростом

Джанбатисто Чибо — мирское имя папы римского Иннокентия VIII

дукат — устаревшая денежная единица большинства европейских государств. Феноменальностью данной монеты является то, что на протяжении многих столетий своего существования дукат избежал порчи. Большинство стран Европы на протяжении семисот лет выпускало дукаты, придерживаясь первоначальных характеристик: вес монеты около 3,5 г, проба сплава золота около 980-й. Сплав золота 986-й пробы получил название дукатного золота

ерихонка — тип средневекового шлема. Состоит из железной или стальной тульи с остроконечным верхом, снабженной элементами для защиты ушей, плоским козырьком,

скользящим наносником (узкая железная полоска, защищавшая лицо от поперечных ударов), нередко — пластинчатым назатыльником. Науши и назатыльник крепились к тулье посредством кожаных ремней или реже — цепочек

жандарм — тяжеловооруженный кавалерист в ордонансных ротах бургундской и французских армий

кавалер — в современном понятии лицо, принадлежащее к какому-либо ордену, светскому или духовно-рыцарскому

каноническое право — перечень декретов и правил, составляющих основу церковного законодательства в римско-католической церкви

капеллина — вид шапеля. Простой дешевый шлем в виде каски с полями без забрал, бармиц, полумаски и прочих излишеств

кардинал — высшее после папы римского духовное лицо католической церкви

кастелян — управляющий замком. В описываемое время также и начальник земельного округа с поселениями, принадлежащего замку

колет — мужская короткая приталенная куртка с привязными рукавами, распространенная в Западной Европе в период с 1330-го по 1670 г.

кольцо рыбака — атрибут облачения римских пап, наряду с тиарой

коммодория — резиденция

коннетабль — высший воинский начальник в средневековой воинской иерархии

контесса (контесс) — графиня

Латеранский дворец — официальная резиденция папы римского в XV в.

лиард — первоначально монета из Дофине (исторической области, присоединенной к Франции в 1342 г.), равная 3 дофинским денье. Монету чеканили из биллона. При Людовике XI стала общепольской монетой, равной 3 турским денье. Вес монеты 1,2 г, проба серебра — 250

лига — мера длины; 1 французская лига (почтовое лье) равна 2 милям; 2000 туазов; 3,3898 км

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНА АРМАНЬЯК. ГРАФ БОЖЬЕЙ МИЛОСТЬЮ. Фантастический роман	5
<i>Глоссарий</i>	274